

АЛЁНА
ДОЛЕЦКАЯ

НЕ
ЖИЗНЬ,
А

СКАЗКА

18+

Алёна Долецкая

Не жизнь, а сказка

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 82-94
ББК 84(2)6

Долецкая А.

Не жизнь, а сказка / А. Долецкая — «Азбука-Аттикус», 2018

ISBN 978-5-389-14320-3

О чём может рассказать первый главный редактор русского Vogue, русского Interview легендарная московская красавица и фам фаталь? О том, как выбирала духи и белый рояль? О том, как принцы пели серенады и делали подарки? Дочь знаменитого хирурга С. Я. Долецкого, внучка первого директора ТАСС Я. Г. Долецкого была и остаётся человеком, относящимся к жизни с глубокой иронией и пронзительной искренностью. Звёзды и скромные люди, закадычные друзья и заклятые подруги, гении и злодеи, настоящие мужчины и хлюпики, исторические личности и пустозвоны – все они герои новой книги Алёны Долецкой, решившейся на доверительную откровенность со своими читателями. Содержит нецензурную брань. В формате pdf А4 сохранен издательский дизайн.

УДК 82-94

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-389-14320-3

© Долецкая А., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Объяснительная записка	7
РАЗ	8
Огненный коктейль	8
Фирменный шов	23
Три вопроса маме	30
Облако	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алена Долецкая

Не жизнь, а сказка

Фото на обложке Владимира Васильчикова

© Алёна Долецкая, текст, оформление, 2017

© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023

КоЛибри®

* * *

*«Расскажи, ну расскажи ещё какую-нибудь историю», –
бесконечно просил Артём Долецкий, мой племянник.
Ему посвящаю эту книжку.*

А. Долецкая, 1973 г.

*«Когда человеку кажется, что всё идёт наперекосяк, в его жизнь
пытается войти нечто чудесное».*
Далай лама

Объяснительная записка

Никакую книгу я писать не собиралась. Ни художественную, ни мемуарную, ни публицистическую. Кто я такая? Девочка из интеллигентной московской семьи, с классическим университетским образованием и недурным воспитанием. Довольно везучая. Успеха не ждала, просто на него работала. И хотя трудилась всё больше в высших, так сказать, эшелонах культуры и бизнеса, уверяю вас, не все мы, глянцевики, какаем розами.

У меня есть любимое занятие: сидеть на веранде с друзьями и «травить байки». Летом там тенисто и прохладно, падают шишки с сосен, белки хрустят сухарями и семечками, сойки суеются у кормушек. Мы гоняем чёрные, зелёные и белые чаи с моим клубничным или земляничным вареньем, а иногда и с чем покрепче, вспоминаем истории из жизни. Мои истории все очень любят. Обязательно кто-то говорит: «Алён, ну расскажи ту историю, ну ещё разочек». У друзей и родных есть свои любимые байки. Иногда они перебивают: «Нет-нет-нет, он сначала вошёл, а потом уже...» Они исправляют цвет волос, который был у кого-то из персонажей, год события, название духов, детали нижнего белья. «Слушай, сама расскажи, ты уже лучше эту историю знаешь, чем я», – говорю я в ответ. Не проходит номер.

Эти сказки-байки благодаря моим друзьям обросли первородными запахами и оттенками. Ритуал стал частью дачной магии.

Неожиданно я поняла, что этих историй собралось много, а главное – что у меня появилась возможность не рассказывать в сорок пятый раз одну и ту же сказку-байку. И получше вспомнить полузабытые. Совсем не всегда разухабисто смешные, иногда страшные и грустные, но зато настоящие. Я решила их записать.

Даты – моё слабое место, так что хроники века не ждите.

В народных сказках, которые я читаю до сих пор, помимо разнообразной мудрости, всегда есть превращения и преображения. Сидела лягушкой в углу, ударились оземь и обернулись Василисой Премудрой. Тыква превращается в карету, чудовище – в принца. Вот и я вам расскажу про свои превращения, иногда волшебные, иногда не очень. Но зато никакой лжи, никаких намёков. Всё по правде.

Не бойтесь, не всю правду, конечно. Да и не всё вспомнила. Сказки ведь чем хороши? Превращения бесконечны, и сказка рождает сказку.

Так что, кто знает, может, и будет продолжение. А пока – поехали.

Раз. Два. Три.

РАЗ

Огненный коктейль

Иду я с друзьями на антикварный рынок в Измайлово, одета ничего особенного, в угтах или кроссовках, джинсы, куртка-пальто, в чем на рынок-то ездить? И только вопьюсь глазами в старинные русские рюмочки резного стекла, продавцы мне тут же:

– Please, please, ten dollars, ten dollars only!¹

А я им:

– А что это вы по-английски? Я русская, и не парьте мне ten dollars, давайте на рубли и пополам.

– Ой, а я думал иностранка...

С чего бы я иностранка-то? Родилась и выросла в Москве, больше чем на месяц вообще из России не отлучалась. Но ласкаю себя мыслью, а может, тут всё не так просто? Может, там, как у Де Костера, «Пепел Клааса стучит в моем сердце?» Может, моя английская прабабушка Хедвиг Хайтон сказать что хочет?

С Хедвиг какая история была. Живёт она себе поживает в 1900-х годах то ли в Сассексе, то ли в Саффолке со своим мужем, лордом Хайтоном. Рождает леди Хедвиг Хайтон двоих детей, ухаживает за розами, следит за регулярным цветением трёхметровых рододендронов и принимает вечером друзей мужа. Заезжает к ним как-то погостить коллега по бизнесу лорда Хайтона, успешный предприниматель-золотодобытчик, поляк дворянских кровей Станислав Станевич. Как говорит семейное предание, красоты, обаяния, яркости и безбашенности необыкновенной... И – влюбляется в прабабушку, а она, ох, – в него. Он взял и увёз Хедвиг от лорда.

Увёз в Россию, в Санкт-Петербург, потому что в то время добывал золото и серебро на Русском Севере. Прабабушка ходила в англиканскую церковь, но так и не выучила русский язык, и очень любила своего мужа. А потом они уехали в Польшу, где и родилась моя любимая бабушка, Софья Станевич.

Милая история межнациональной любви. Я чту её память, и единственный сохранившийся портрет папы с прабабушкой у меня на стене. Она совсем непохожа на классическую подсохшую английскую леди с поджатыми тонкими губами. Крупный нос, широко открытые глаза. Выдаёт прямая спина и строгий взгляд. А так – вполне бы сошла за дворянку из Саратовской губернии.

Но есть один огорчительный момент. У английской аристократии в то время был закон: если жена развелась с мужем, никакого ей наследства от совместной жизни не достанется, и титулу её тоже – до свидания. Бог с ним, с титулом, а вот родственников и фамильный особняк я бы, конечно, искала. Да всё как-то не складывается. Вот я и думаю, может, стучится моя прабабушка, напоминает, что надо розысками заняться?

«А почему это дальние родственники меня сами не находят? – думаю. – Что за дела?! Заходите к нам сами, Хайтоны! Я вас обогрею».

«Фу-у, откуда эта самоуверенность?! – снова сама себе».

Понятно! Взыграла во мне польская кровь. Папа ведь по паспорту был поляк, и когда родители хотели, чтобы мы с братом не понимали, о чём они между собой говорят, – всегда переходили на польский. К ним по подписке даже приходил юмористический журнал Szpilki, родители его читали и всегда вдвоём хохотали.

¹ Берите, пожалуйста! Всего десять долларов! (англ.)

Но совсем не всегда моим предкам – гордым полякам – приходилось весело. Мягко выражаясь.

Хедвиг Хайтон и Станислав Долецкий. 1922 г.

Дедушка, папин папа, Яков Генрихович Долецкий родился в Варшаве, прямо со школьной скамьи, в шестнадцать лет, вступил в Социал-демократическую партию Литвы и Польши.

С 1917 года – член ВЦИК и в 1922-м возглавил информагентство РОСТА, которое потом стало называться ТАСС. Пережил до того не один арест и не одну ссылку и в целом всю свою сознательную жизнь посвятил строительству самого счастливого строя на Земле. После звонка своего друга в 1937-м («Яков, арестованы наши друзья. Похоже, ты следующий») он оставил два письма, моему отцу и Сталину, и застрелился. Через сорок минут после того, как дед покончил с собой, пришли энкавэдэшники и забрали все письма.

Бабушка, папина мама, Софья Станиславовна Станевич, дочь того самого безбашенного польского дворянина-разлучника, тоже служила делу революции. В 1918 году вышла замуж за Якова и тоже строила с ним светлое будущее нашей страны. Но когда в середине 30-х годов дед, к тому времени уже руководитель ТАСС, стал ездить на работу в Кремль на роллс-ройсе, она сказала: «Я не хочу больше с тобой жить. Ты на чём домой приехал? Ясно. Ты предал идеи революции».

Забрав своего сына, то есть моего папу, они переехали жить на Петровку, а дед остался жить в Доме на набережной.

Яков Долецкий, 1931 г.

Человек она была тонкий, образованный, блистательно играла на фортепиано, свободно владела шестью языками. Бабушка работала у Лазаря Кагановича, наркома путей сообщения, и, похоже, занималась для молодой России международным промышленным шпионажем. Строительство железных дорог и прочая инженерия требовали серьёзных знаний и опыта, который уже был в европейских странах. Однажды за обсуждением вопросов развития железнодорожной сети

Софья Станиславовна плеснула Кагановичу чернилами в лицо (видимо, проявил себя как непорядочный или как монстр, каким он и был по сути, а может, и приставал). И, разумеется, была тут же уволена. После этого – зарабатывала частными уроками языков и музыки.

В 37-м, вскоре после смерти деда, её арестовали за «распространение антисоветских анекдотов», чего никогда, разумеется, с ней не происходило и произойти не могло. Семнадцатилетнего отца вызвали на Лубянку и сказали: «Твоя мама утверждает, что никогда анекдотов не рассказывала». И отец говорит: «Клянусь вам здоровьем, я с мамой прожил всю жизнь – она верный и чистый человек, и никаких анекдотов в нашем доме не было». Тогда энкавэдэшники показали Софье Станиславовне, кто у них сидит на допросе, и сказали: «Видите, там ваш сын. Либо признайтесь, либо мы сами с ним разберёмся». Она всё поняла и без единой паузы сказала: «Виновата, рассказывала». Она провела в ГУЛАГе семнадцать лет, прошла лагеря от Мурманска до Средней Азии.

В начале 1950-х она вернулась в Москву. И однажды попросила отца поехать с ней на Ленинские горы – вдвоём, без свидетелей.

– Я должна тебе сказать одну страшную вещь. Сталин – преступник.

Эта история меня поразила вовсе не её откровением про Сталина, но её горячим желанием искренне признаться отцу в этом – где? – на Ленинских Горах, чтобы никто не мог их услышать. Такие были времена.

Софья Станевич и Алёна Долецкая, 1956 г.

Прошло с тех пор больше полувека. Мы общаемся в фейсбуках, твиттерах, телеграммах и прочих WhatsApp. Но недавно я начала замечать, что, когда люди хотят поговорить о чем-то серьёзном и важном, они или выключают телефон, или куда-то его уносят. Выходит, пройдя тоталитаризм, заглушки и запреты, мы возвращаемся к другому всемирному колпаку www, под которым нас все видят и слышат. Мне-то скрывать нечего, но если я иду первый раз обедать

с человеком, которого лично не знаю, к вечеру фейсбук сообщает мне, что «вы можете его знать». Большой Брат следит за тобой? Кто ты, брат?

Не знаю всех особенностей польского характера, но я точно обязана этой своей бабушке за одну загадочную, хотя и простую вещь. Вскоре после моего рождения папе предложили возглавить кафедру детской хирургии в Ленинграде, и родителям пришлось оставить меня в Москве на руках у бабушки. И тут меня накрыла какая-то неведомая и опасная болезнь сердца. Имеющиеся врачи не понимали, что за патология такая, и опустили руки. Бабушка Софья уложила меня в постель на три месяца без разрешения прыгать-бегать-носиться и – чтобы я не порвала на части окружающий мир бешеной детской энергией – легла со мной рядом на всё время, читала книжки и кормила. Вернула меня в строй здоровым ребёнком, дождалась возвращения родителей в Москву и ушла в мир иной. Мне было три года. Мудрая София, жду притока твоей мудрости в мою жизнь.

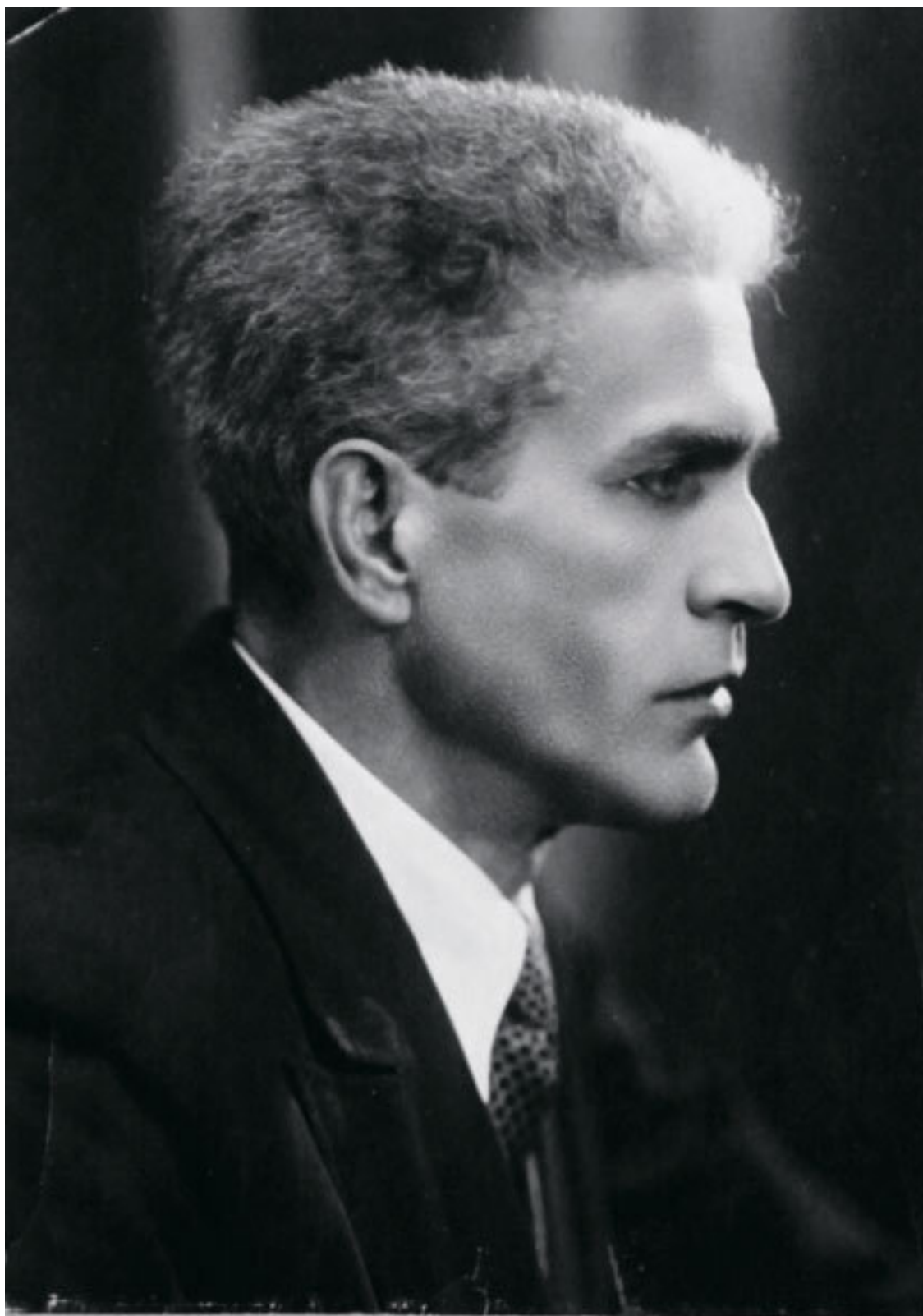

Александра Даниэль-Бек, 1920 г.

Если уж заговорили о мудрости, то фамилия Долецкий – это всего лишь придуманный партийный псевдоним моего деда, который на самом деле был Я. Г. Фенигштейн. Полагаю, польский еврей. И вот уже много лет я ворчу, что маловато мне досталось еврейской крови. С цифрами я на «вы», считаю медленно и плохо, пять шагов наперёд просчитываю с трудом, зато компенсирую мужьями, которые почти все евреи.

Родители иногда друг друга поддевали. Когда папа в порыве педагогических усилий начал нам с братом читать нотации, мама, Кира Владимировна Даниэль-Бек, говорила: «Стасик, ну оставь, пожалуйста, этот свой польский гонор». Или когда мы долго и бестолково обсуждали какой-нибудь нелепый вопрос, типа кто будет собирать и натирать лыжи, мама гордо отмалчивалась, и папа ей говорил: «Кирочка, ты не хочешь подать голос из своего замка князей Беков и всё-таки с нами поговорить?»

Мама была не очень похожа на настоящую армянку (ну разве что сильно выющиеся волосы), внешне она была копией своей мамы Александры Ивановны, которая служила литературным секретарём Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича. Бабушка была русская, но родом из коми-зырян, с чуть-чуть миндалевидными небольшими глазами. Поставить рядом бабушкин, мамин и мой профиль – почти одно лицо. Я не застала маминих родителей, они умерли очень рано, а я родилась поздно. Мамин отец, Владимир Исаевич Даниэль-Бек был московским юристом, статным мужчиной, с выдающимся носом с горбинкой, чётко очерченным ртом и густыми волосами «соль-с-перцем».

Владимир Даниэль-Бек,
1949 г.

А вот отец деда, мой прадедущка – гордость семьи и не только, – достоин короткого отступления.

Как-то раз, уже в зрелом возрасте, году в 2015-м, я приняла приглашение близкого друга Рубена Варданяна и отправилась в Карабах. Время было уже мирное, Степанакерт превратился

в ухоженный светлый город с парками и отелями. В один из дней нашей поездки Рубен устроил большой ужин в знаменитой Шуше, где была одна из самых тяжёлых битв Карабахской войны. В Шуше есть разлом между горами, место невероятной красоты, где можно сидеть часами, смотреть в расщелину и на разлетающиеся горы, покрытые изумрудной зеленью как бархатом, и думать, мечтать, вспоминать. Неподалёку от этого магического места, посреди огромной сосновой рощи, накрыли стол человек на сто, построили сцену, где упоительно пели «Дети Арцаха», ребята от пяти до двадцати лет.

Кира Даниэль-Бек,
1940 г.

Блюда на столе описывать – гиблое дело, изойдемся слюной. Домашние сыры всех сортов, баклажановая долма, бозартма, пряные травы и овощи, цыплята... Взрослые беседовали. Когда пели дети, все умолкали и роняли слёзы умиления и снова, прерываясь на короткие, но содержательные тосты, болтали. И тут встала невысокая, очень приятная женщина лет сорока,

подняла бокал и сказала: «Вы знаете, у нас сегодня за столом правнучка человека, день рождения которого мы празднуем каждый год в нашей бывшей Императорской военной академии. Даниэль Бек-Пирумян – величайший полководец, человек, благодаря которому мы сохранили Армению. Он поднял народное войско, когда военные сдались, сказав, что мы не выдержим атак турок. Он сказал: «Не быть этому». Сардарапатское сражение никогда не будет забыто, но сегодня важнее, что его правнучка оказалась среди нас». Слова благодарности я произносила едва-едва, не давали слёзы. Оказалось, что эта женщина – заслуженный воин, министр обороны Карабаха.

Тогда же я узнала, что «бек» означает княжеский титул, приставляемый к имени, которое носили только мужчины княжеских родов в Армении, в Арцахе. Получается, что мама носила мужскую фамилию. Странно, но красиво. Скорее всего, Даниэль имя прадеда, «бек» приставка, а фамилия Пирумян.

Станислав Долецкий,
1985 г.

Однажды в Париже я зашла на кладбище Пер-Лашез и увидела могилу, на которой было написано: «С. А. Даниэль-Бек-Шукшинский, умер в 1931 году, младший офицер армии, бывший пристав Государственной думы». Подумала: сколько же наших Даниэль-Бек-Шукшиных по всему миру?

Даниэль Бек-Пирумян,
1919 г

Буду искать. Главное, чтобы хватило армянского темперамента и русского терпения.

Фирменный шов (письмо отцу)

².

Ты сидишь передо мной у своего старинного, немецкой работы бюро с секретными ящиками. Пишешь. Сорокапятилетний, стройный, сногшибательный. А я, малявка, тебя спрашиваю: «Пап, а как бы ты хотел умереть?» А ты отвечаешь, не отрываясь от бумаг: «Быстро, не больно, в Серебряном Бору». Ты любил туда уезжать на выходные в Дом творчества Большого театра.

Плавал там на байдарке, гулял с друзьями. Ты любил Большой (потому что пел там мальчиком в хоре?), любил театры, консерваторию, знал актёров, музыкантов и со многими дружил.

Прошло лет тридцать с лишним, я уже моталась по миру, делала проекты в Москве, а ты вдруг звонишь мне из загорода и говоришь: «Детка, завтра в Большом зале играет Володя Крайнев. Рахманинов, Шопен. Красота! Давай, не откладывая, быстренько сгоняй на улицу Герцена, зайди к Захарову (Владимир Захаров – тогда всемогущий директор БЗ Консерватории). У него для нас два билета. Мы давно никуда не выбирались вместе».

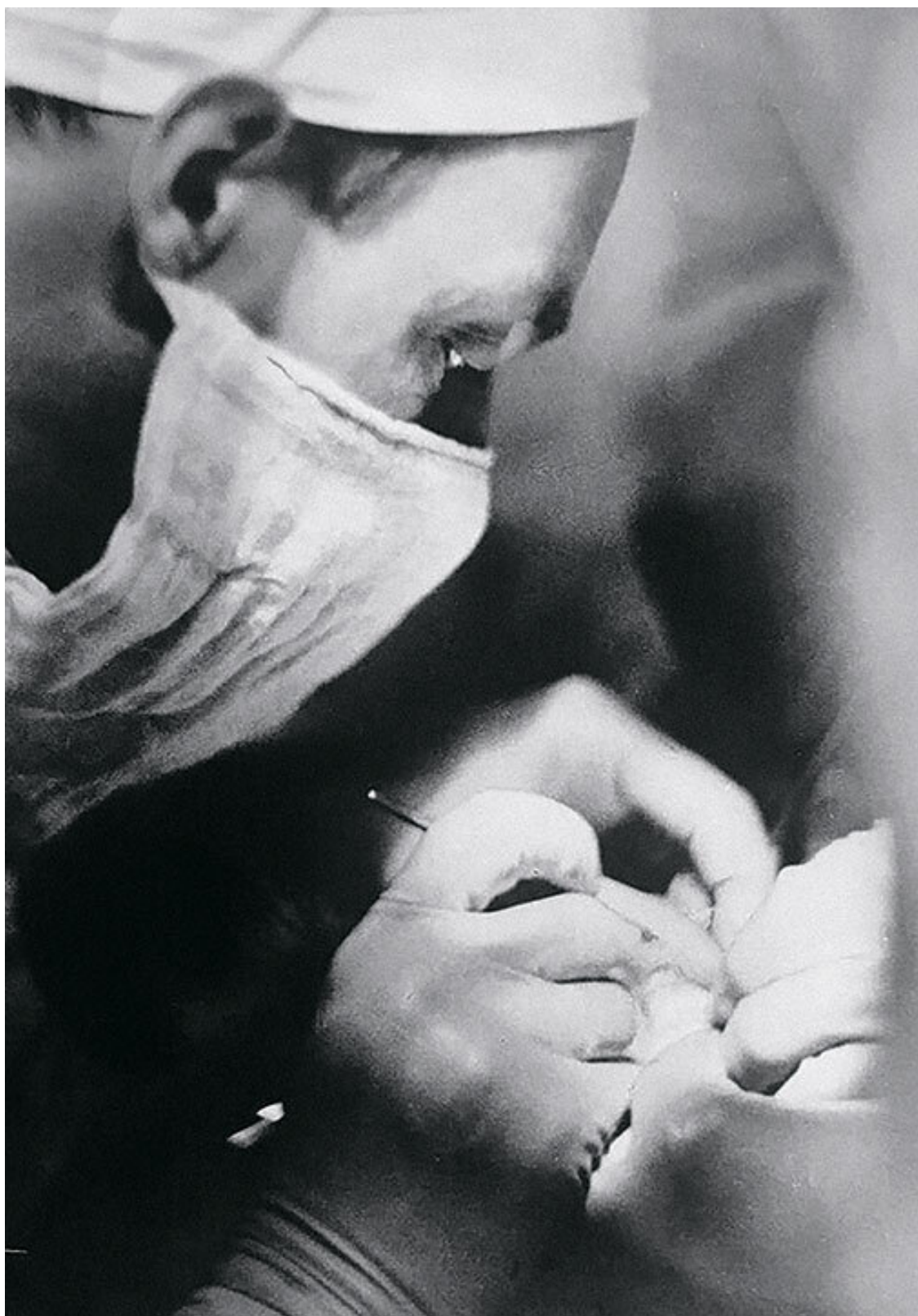
– Ура, папуль!

Я съездила на Герцена, забрала билеты. Они у меня потом долго лежали в сумочке. Ты умер на следующий день. Быстро. Не больно. В Серебряном Бору. Ровно через десять лет после мамы. День в день.

Давным-давно, когда ты водил меня маленькую в Консерваторию, мы слушали Шопена. Не помню имени пианиста, да и неважно. Он мне тогда ужасно не понравился – монотонно и скучно бил по клавишам. В антракте я начала нудить: «Пап, может, домой, а?» А ты мне: «Деточка, просто он играет Шопена как пионерские марши. Значит, ещё не налюбился, не настрадался».

Я хотела стать врачом-хирургом, как ты и мама. Ты – самый молодой член-корреспондент Академии медицинских наук, знаменитый на весь Советский Союз детский хирург Станислав Долецкий, золотые руки, тысячи спасённых детей, толпы навсегда благодарных родителей, автор десятка книг, первый русский хирург – член английской Королевской академии детских хирургов. Одно твоё прикосновение успокаивало капризных орущих детей.

² Впервые опубликовано в 2010 г. в журнале «Сноб». Исправлено, отредактировано.

Станислав Долецкий, 1982 г.

Недавно один осматривавший меня врач сказал:

– Какой у вас необычный и элегантный шов. Был аппендицит? За границей делали?

А я:

– Это мне папа сам сделал.

Он так шёпотом:

– Этого. Не может. Быть. Своих не оперируют.

Когда меня привезли в твою Русаковскую клинику (ныне Свято-Владимирская), сбежались все открыв рты: «Свою будет резать? Родную?» А потом приехала мама. Ты её не пустил в операционную. Но как только заклеил свой фирменный шов пластырем, выдохнул: «Ну, теперь пускайте». Ох, я помню, досталось тебе от мамы. Конечно, сейчас бикини носят уже пониже, так что иногда твой шов виден, но, по-моему, это даже сексуально.

Так вот, хотела стать врачом. Плюнула на свои последние летние школьные каникулы, устроилась нянечкой в отделение, которое ты возглавлял. С твоего, кстати, разрешения! Мыла операционные, палаты, полы и койки, ухаживала за больными. Посидеть на приёме было сплошное удовольствие. Мамаши таяли в твоём присутствии на глазах, как сахарный песок в горячем чае. А дети вообще забывали, что дядя в белом халате – чудище и мучитель. Смеялись беззубыми ртами и сами показывали тебе, где болит.

Ну, я и решила самоволкой пойти посмотреть, как ты оперируешь. Ты иногда устраивал показательные операции для аспирантов, которые приезжали из разных медвузов страны. Оперировал мальчика, за которым я в палате ухаживала. Мне, конечно, хотелось знать, как у него все пройдет. Кажется, там была небольшая опухоль рядом с лёгким. Ты начал оперировать, подробно комментируя каждый свой шаг. «Проходим сюда, разрез сделаем именно здесь, а потом на цыпочках идём ниже, видите?» В каждом движении лёгкость, изящество и безукоризненная точность. Полная концентрация, и никакого ощущения тяжести, страха или напряжения. «Сейчас я вот тут специально делаю небольшой разрез, всё-таки он совсем ещё молодой мальчик, не будем его распахивать, а подберёмся к опухоли слева». Ни одного лишнего слова. Все только по делу.

Хотя на всех были марлевые маски, я знаю: аспиранты и врачи слушали и смотрели открыв рты. В какой-то момент ты поднял глаза, и наши взгляды встретились. Резко переключив интонацию с бархатно-лекторской на железно-командную, говоришь:

– Будьте любезны, покиньте операционную.

Все поворачиваются в мою сторону, я тоже поворачиваюсь, даже не подозревая, что эти слова адресованы мне. Видя это, ты добавляешь:

– Алёна, я обращаюсь к вам.

Вот эти «Алёна» и «к вам» было как скальпелем без наркоза. На ватных ногах выхожу из операционной. Голова пухнет: ты же сам пустил меня к себе в отделение, я здесь с семи утра выполняю самую грязную работу, я же собралась стать хирургом, почему же я не могу посмотреть, как ты оперируешь?! Через час меня находят в отделении: «Станислав Яковлевич вызывает вас к себе».

Всё тот же тихий голос:

– Я разрешал тебе присутствовать на операции?

– Мы же, я же...

– Ещё раз задаю тебе вопрос.

– Ну, пап...

– Запомни раз и навсегда: никогда без моего разрешения не смей переступать порог операционной. Это не обсуждается. До свидания.

А вечером вы с мамой на меня налетели: «Ты что?! Какая ещё хирургия? Есть прекрасные офтальмология, косметология». Вы мне долбили весь вечер, что это не женская профессия, а с моими эмоциями и нервами я совсем не подхожу для хирургии. Лишь однажды ты обмолвился, что профессия врача – это ответственность, равной которой нет. Каждый день ты сталкиваешься с ситуациями, где от твоей компетенции зависит человеческая жизнь. И есть только два варианта развития сюжета: или ты будешь до конца дней разбираться со своей виной и собственной совестью, или превратишься в законченного циника. «А я не хочу, деточка, чтобы ты превращалась в циника».

Потом мы ругались. Потом мирились. Потом, как это было принято в нашей семье, собрали семейный совет, куда входили твои ближайшие друзья: Юра Никулин, Витя Монюков, Боря Поюровский, Эдик Радзинский, Володя Высоцкий, Саша Митта. И на повестку дня был вынесен единственный вопрос: «У нас проблема. Алёна хочет идти в медицинский на хирурга, а мы с Кирочкой категорически против». И тут дядя Юра Никулин сказал: «Вы что, дорогие? Ну что вы морочите себе голову? Она же чистый гуманитарий! Вы что, не видите?» И я пошла в МГУ на филологический.

За что бесконечно вам всем благодарна.

Я редко тебя о чем-либо просила, а кланить подарки было гарантией, что их не получишь никогда. Попрошайничество ты на дух не выносил. Но тут ты поехал в Лондон и привёз мне роликовые коньки, мою мечту. Дело было в сентябре. И ты их прятал у себя в шкафу до самого моего дня рождения, 10 января. А мне так хотелось в Лужниках на них поездить с мальчишками по хорошей осенней погоде. Я же их все равно сразу нашла и четыре месяца слюной исходила. Зачем их было ныкать-то?

Воспитывал ты меня, конечно, в спартанском стиле. Со всех сторон я только и слышала, как Стасик обожает свою дочь, а дома дело обстояло сурово. Андрюша, мой старший брат, положительный, отличник, послушный, молчаливый, – мамин сын. А со мной всё время что-то приключалось. То из пионерлагеря сбежала, то три школьных дневника обнаружилось (один для папы, другой для мамы, третий для реальности, которую нельзя было никому показывать), то мальчики всякие звонят по сто раз в день. В общем, проблемный ребёнок. Я понимаю – со мной, наверное, было нелегко.

Но моя любимая история про твои педагогические усилия – про скрепки. Ты послал меня в канцелярский магазин купить скрепки. В канцелярский так в канцелярский. Тем более по дороге я успеваю заскочить в телефон-автомат позвонить своему мальчику для личного разговора. Потом сломя голову в магазин и домой. Одна нога здесь, другая там. Довольная, вручаю тебе коробку. Ты разворачиваешь бумагу. Замираешь.

– Алёна, что это?

– Как что, пап? Кнопки.

– Я же просил *скрепки*.

Я влипла. Дальше следовала тирада, которая должна была обратить меня в прах:

– Тот факт, что ты не в состоянии запомнить поручение отца, свидетельствует только об одном: ты катишься по наклонной плоскости.

Кроме «наклонной плоскости» мне предназначались ещё два пожизненных приговора: «Все это – звенья одной цепи» и «Ты абсолютно потеряла фактор времени».

Как бы мне хотелось его снова потерять!

Знаешь, ты задал планку, на которую мы, все Долецкие, равняемся до сих пор. И не на твою хирургическую славу, профессорство и членства. А на остальное – прямая спина, кайф от того, что делаешь, внутренний стержень, порядочность, врождённый стиль, любовь ко всему изящному. Всё, что стало у нас семейным. Родовым. Кстати, я так никогда и не сменила свою, в смысле твою, фамилию. Хотя возможности были. И не раз!

А с фамилией что вышло. Маму звали Кира Владимировна Даниэль-Бек. Её дедушка, князь Даниэль Бек-Пирумян, герой армянского народа, возглавлял войско во время войны с турками. В Армении его чтут до сих пор, а в Сардарападе висит огромный его портрет и сабля вся в драгоценных камнях. Мне очень нравилась мамина фамилия и особенно её подпись: такое плотное Даниэль и выскакивающее элегантно зигзагом Бек. Мне исполнилось шестнадцать, и мы с мамой пошли оформлять мне паспорт. Как всегда, всё самое важное – с мамой, похожей на Грету Гарбо, умной, как Мария Кюри, и застенчивой, как я даже не знаю кто.

Паспортистка, забитая скучной работой, устало спрашивает:

– Так, девушка-а-а-ай, какую вы берете фамилию? Матери? Отца?

– Я беру мамину, Даниэль-Бек.

– Ага. А как она у нас тут пишется-то?

Берёт очки.

– В одно слово?

Тут мама мне ошарашенно: «Что ты делаешь?! Ни в коем случае! В этой фамилии все делают минимум по четыре ошибки. Вместо «э» пишут «е», чёрточку забывают, «б» пишут с маленькой. Умоляю, зачем тебе это надо? Даже не думай – ещё не хватало мучиться всю жизнь, как мне».

Паспортистка, накаляясь и теряя терпение, слушает наши препирательства у её окошка. И тут мама предъявляет последний коронный аргумент:

– И вообще. Ты подумала, что мы скажем папе?

Решение было принято.

Вместе с твоей фамилией мне достался в наследство твой низкий болевой порог: все женщины своими ногами из врачебных кабинетов выходят, а я – чуть что – падаю в обморок, и потом меня долго откачивают. А ведь кто поверит, что такая чувствительная! И этот же болевой порог в душе. От чужой непорядочности, подлости, толстокожести, лицемерия, вранья. Хотя, пап, я не жалею – энергии хватает, замыслов и планов навалом, жизнь интересная невероятно. Вот только всё никак не брошу курить.

Помнишь, как ты меня учил курить в пятнадцать лет?

Мама курила. Курила шикарно, как всё, что она делала. Без позы – ни лишнего жеста, ни лишних слов. Всё значительно и красиво: профиль, взгляд, рука с дымящейся папиросой «Беломорканал». Конечно, мне хотелось подражать ей во всём, и я закурила. Ты ничего не замечал. Но однажды ты призвал меня к себе в кабинет и сказал:

– Деточка, у нашей мамы, лучшей мамочки на свете, есть одна плохая черта – она курит. И я очень не хочу, чтобы эту привычку ты у неё переняла. И вот какое я принял решение. Сейчас я возьму мамин папиросы, и мы вместе просто попробуем, ты поймёшь, какая это гадость, и на всю жизнь эту тему закроем.

Тогда ты закурил первым. Ужасно смешно, как это делают некурящие люди, неправильно зажигая тут же гаснущие спички, обжигаясь пламенем. Наконец папироса задымилась, ты затаился для правильности примера и начал страшно кашлять. До слёз!

– Боже, папочка, зачем?

– Нет, ты должна попробовать.

Я сдаюсь, затягиваюсь, выдыхаю дым. Без кашля и слёз, а главное – совершенно легально.

Ты с удивлением:

– Ну как?

– Да, пап, противно. Я всё поняла – это действительно очень плохая привычка.

И на этом мы тему закрыли на ближайшие лет десять.

К моим возлюбленным и мужьям, будем честны, ты не испытывал особой приязни. На первое бракосочетание ты и вовсе не собирался идти, пока тебя не устыдили Никулины. Так исторически сложилось, что почти все мои мужья были евреями. «Деточка, у тебя какая-то тяжёлая форма юдофилии», – говорил ты каждый раз, когда я порывалась представить тебе своего нового избранника. На это я тебе неизменно напоминала, что настоящая фамилия моего дедушки, твоего папы, была Фенигштейн. «Он был немец!» – слышала я один и тот же ответ. Ну да, конечно, шас!

Когда происходили неизбежные церемонии знакомства с моими поклонниками, ты был напряжён и рассеянно снисходителен. Ты всё считал меня своей маленькой деточкой, которая в очередной раз шалит и за которую ты несёшь ответственность. Я знаю, так бывает у сильных отцов, но в какой-то момент эта твоя ответственность меня стала давить. И я пошла на разговор, один на один.

«Папа, я давно уехала из вашего дома и живу своей жизнью, в своей квартире, на деньги, которые сама зарабатываю, с человеком, которого люблю. Пойми это и не обижайся, но так больше нельзя». Там и покруче были выражения, конечно, но, поверь, я тогда старалась выбирать слова, чтобы не ранить тебя слишком тяжело. Мы же оба не выносим боли! Ты молча выслушал и не захотел больше выяснять отношения и говорить что-то в своё оправдание. Всё было и так понятно: той Алёны, которая была твоей «деточкой», больше не существовало. Перед тобой сидела двадцатипятилетняя женщина со своей личной жизнью и своим характером. И просила об одном: отпустить её.

К этому времени, невзирая на написание кандидатской диссертации и переводы английской литературы, у меня вдруг проснулся кулинарный талант, которым наша обожаемая мама не была наделена совсем. Ты был рад этому моему дару и взял за привычку появляться у меня дома как снег на голову. Конечно, как человек безупречно воспитанный, ты предварительно звонил:

– Детуль, у меня есть немного времени перед учёным советом. Что у тебя сегодня на обед?

- Рулет из говядины с лисичками.
- А супчик?
- Куриный бульон с бородинскими тостиками.
- Прекрасно, буду через полчаса.

В этот день я только-только прибежала со своей лекции. И думаю, дай выкурю сигаретку до твоего прихода. Ты же не предполагал, что я курю. Я скрывала от тебя это много лет. И тут раздался звонок в дверь. Я подумала, что для тебя рано, что это, наверное, курьер. Открываю дверь, а это ты стоишь с огромным ящиком мандаринов от благодарных пациентов из Грузии. Судорожно бросаю сигарету куда-то в глубь квартиры, не думая, что загорится ковёр или вспыхнет библиотека. Ты всё заметил. И сухо так:

– Добрый день!

А потом, без паузы:

– Всего доброго.

Шваркнул дверью перед моим носом и с этими же мандаринами гордо удалился. Хоть бы бросил их мне под ноги, что ли?! Нет, так с ними и ушёл. Очень в твоём стиле.

Ты часто ездил на конгрессы и симпозиумы в разные столицы мира. И, похоже, тебе всегда хватало этих трёх-пяти-семи командировочных дней. Через неделю после возвращения ты уже натягивал на штатив экран, заряжал проектор, и начиналось слайд-шоу, на которое собирались все друзья. И эти твои рассказы: где был, что видел, с кем встречался, что ели и вообще как всё было. Мы, конечно, спрашивали про заграничную медицину: а какие у них операции, а персонал, а аппаратура? Эти вопросы повергали тебя в уныние, повисали неловкие паузы: «Знаете, родные, мы здесь живём в первобытно-общинном строе». При этом ты страдал не за себя! Тебе просто было больно и стыдно за всю советскую систему здравоохранения, за науку. Тут же ты добавлял: «Но, когда включаются наши руки, они умолкают». Имея в виду, конечно, не только руки, но и мозги. Потому что хирургия – это не только «искусство кройки и шитья», но и стратегия и тактика, знания и умение просчитать многое наперёд.

Если у нас дома угощали твоими «слайд-шоу», то Никулины, возвращаясь с гастролей, устраивали огромные вкуснейшие столы, ставили привезённую музыку (ух, этот первый Jesus Christ Superstar и The Beatles White Album в наушниках, которые мы рвали друг у друга из рук!). Помнишь вечер после их турне по Австралии? И мои первые джинсы Levi's, заботливо подобранные для меня тётей Таней Никулиной, и длинные хипповые юбки, и уморительные рассказы, и хохот, такой, что до слёз, и кто-то не выдерживал и сползал со стула на пол. И во всём этом не было ни капли зависти или страдания, что мы тут, а не *там*, что у кого-то всё, а

у нас ничего. Не было никакого ощущения изолированности или провинциальности, хотя по западным стандартам мы жили, наверное, довольно скромно.

А тебя за границей вообще принимали за своего. Сам рассказывал, как ты в Германии шёл по очередной Фридрихштрассе, насвистывал что-то из «Серенады солнечной долины», и какой-то немец оглянулся и с непередаваемым отвращением почти выплюнул тебе в лицо: «Amerikaner». Мы ужасно смеялись.

Как и многие дети, в поисках чего-то запретного я шарила по родительским шкафам. Один раз нащупала в платяном шкафу книги. Это были самиздатские копии Авторханова и Солженицына. Бессонные ночи и шок! И однажды в присутствии твоих гостей я попыталась вставить слово в разговор про академика Сахарова. Вечером ты вызвал меня к себе в кабинет: «Всё, о чем мы говорим в стенах этого дома, я прошу тебя здесь же и оставлять. Если ты не хочешь повторить судьбу бабушки, если ты не хочешь повторить судьбу деда, тебе надо научиться молчать».

Что это было? Страх? Не знаю. Мы ведь никогда не обсуждали даже возможность уехать из страны. Так вопрос в нашей семье никогда не стоял. Только сейчас я начинаю понимать: ты просто очень любил свою Родину. Именно так, с прописной буквы, как полагалось раньше писать в школьных тетрадках в линейку.

Может быть, именно поэтому ты пришёл на защиту моей кандидатской. И хвалил мои университетские спектакли в «Английском театре». Поэтому понял, почему я в один прекрасный день ушла из МГУ, и не стал меня за это пилить. Потом поддержал мои экстравагантные профессиональные ходы – от руководящих постов в алмазной корпорации до продюсирования рискованных сюжетов для Би-би-си. Жалко, ты не увидел, как я обклеила Московский метрополитен цитатами из русской и английской поэзии, не застал моих выставок и книг про архитектуру и искусство, не поездил со мной на модные показы в Милан и Париж, не увидел, как теперь придумывают и создают стиль, который у тебя, впрочем, был врождённым.

Смотрю на вашу с мамой фотографию начала 60-х, как вы садитесь в поезд и уезжаете в Ленинград. Этой фотографии я посвятила своё первое слово редактора первого номера русского Vogue – вы и впрямь там как будто сошли с отпечатка знаменитого фотографа моды Питера Линдберга. Ты – в широких светло-серых брюках с высокой талией и рубашке в тонкую полоску, мама – в лёгком, чуть приталенном, шифоновом платье на подножке поезда. Даже слышен последний гудок перед отправлением.

Недавно я пересела на другой поезд и взялась писать сценарий второй половины жизни. И как бы ты меня ни ругал за «потерю фактора времени», я всё чаще понимаю, как, в сущности, мы похожи. День так же расписан по минутам, телефон так же разрывается, меня так же обвиняют в эгоизме и самовлюблённости, хотя я безоглядно обожаю своих друзей и твоих внуков. Когда я в Москве, мы собираемся толпой у меня на даче и, как теперь принято говорить, зажигаем по полной. Тебя, наверное, порадует то, что многие помнят тебя и передают тебе привет. Есть и такие, кто, узнав, что я твоя дочь, с почтением кланяются.

Тут одна симпатичная девчонка-журналист меня спросила: «Алёна, а как бы вы хотели умереть?» Я вспомнила твой давний ответ и процитировала его, выдав за свой. А про себя подумала: отлично, значит, у меня в запасе ещё тридцать лет.

Я скучаю по тебе. Я ещё тебя обниму.

Три вопроса маме

Меня часто называли красивой в глаза и за спиной. И всякий раз, когда я слышу этот эпитет, вспоминаю маму. В голову лезут три маленькие истории, связанные с её – настоящей – красотой. Истории, мной до конца не прояснённые, и от этого ещё более значимые и загадочные.

Как-то раз, в конце 60-х, мама уехала в отпуск в Сочи и перед возвращением домой позвонила и сказала, чтобы мы, как обычно, не плелись в аэропорт её встречать, а ждали дома. Мне было лет четырнадцать вроде, брату Андрею, значит, – двадцать два. И вот она звонит в дверь нашей квартиры на Садово-Кудринской, мы с папой и с Андреем бежим открывать, она стоит на пороге. У нас троих как открылся рот, так мы не могли найти сил его закрыть.

Мама была ошеломительно хороша. Загоревшая, похудевшая (килограммов на восемь, что было заметно), помолодевшая и без этой своей классической укладки с бигуди и лаком из парикмахерской, а коротко стриженная – сзади под мальчика, а спереди с длинной чёлкой.

Из-под выгоревшей пряди смотрели карие, с узким разрезом, внимательные глаза, аристократичный, как у Греты Гарбо, нос задорно подкрутился сверху. Породистая сдержанность только усиливала эффектность появления. Она выглядела как утомлённая кинодива после бурного отпуска с Бриджит Бардо и Сержем Генсбуром в какой-нибудь Ницце.

– Мальчишки, забирайте скорее мой чемодан! – говорит. И они, спохватившись, ринулись вдвоём помочь, стараясь скрыть своё изумление.

Потом мы ужинали, она рассказывала про утренние зарядки, которыми их терроризировали в Сочи, и про прочую отпускную ерунду. А я с того дня не могу забыть, какая она была ослепительная и какой от неё шёл свет. В голове стучало: «Ну ничего себе советский санаторий...» Потом заполз липкий вопрос: «Неужели женщины так хорошеют от домов отдыха?» Что же я тогда не спросила-то? Я знала, что она была верна папе, как Дездемона, и ничего «такого» быть не могло. А вдруг могло? Так и не осмелилась спросить. А она, застенчивая и закрытая, не рассказала.

Другая загадочная история постранней будет. Мне её папа рассказал. Конец 44-го, мама с папой шли со штабом Второго Белорусского фронта к Берлину, оперировали, спасали, защищали, выхаживали и шли дальше. Им было двадцать четыре и двадцать пять (папа на год старше), и прямо со второго курса Московского Первого мединститута рванули на фронт. Семейное выражение «так надо» я буду потом слышать не один раз. Уже возле Берлина, где-то в пригороде, штаб остановился недели на две. На месте был бильярдный стол, где все резались в своё свободное время.

Подошла мамина очередь играть на победителя. Мама, тоненькая, с этим точёным, магически-привлекательным лицом и золотыми кудрями, постриженными по военной моде, взяла кий. Соперником был разбитной подполковник из штабных и, увидев красивую молодую девушку, решил, что победа будет лёгкой и быстрой.

Мама выиграла у него всухую. Немая сцена. Взяв на поводок любимую овчарку Дину, прошедшую с ней все три фронтовых года, под гробовое молчание штабных она вышла.

Через минуту из-за спины раздался выстрел, Дина упала замертво. Заледенев, мама оглянулась. Полковник смотрел на них самодовольно и сыто.

Я никогда не спросила – что мама потом сделала? Как звали полковника? Как же я тогда хотела найти его и посмотреть ему в глаза.

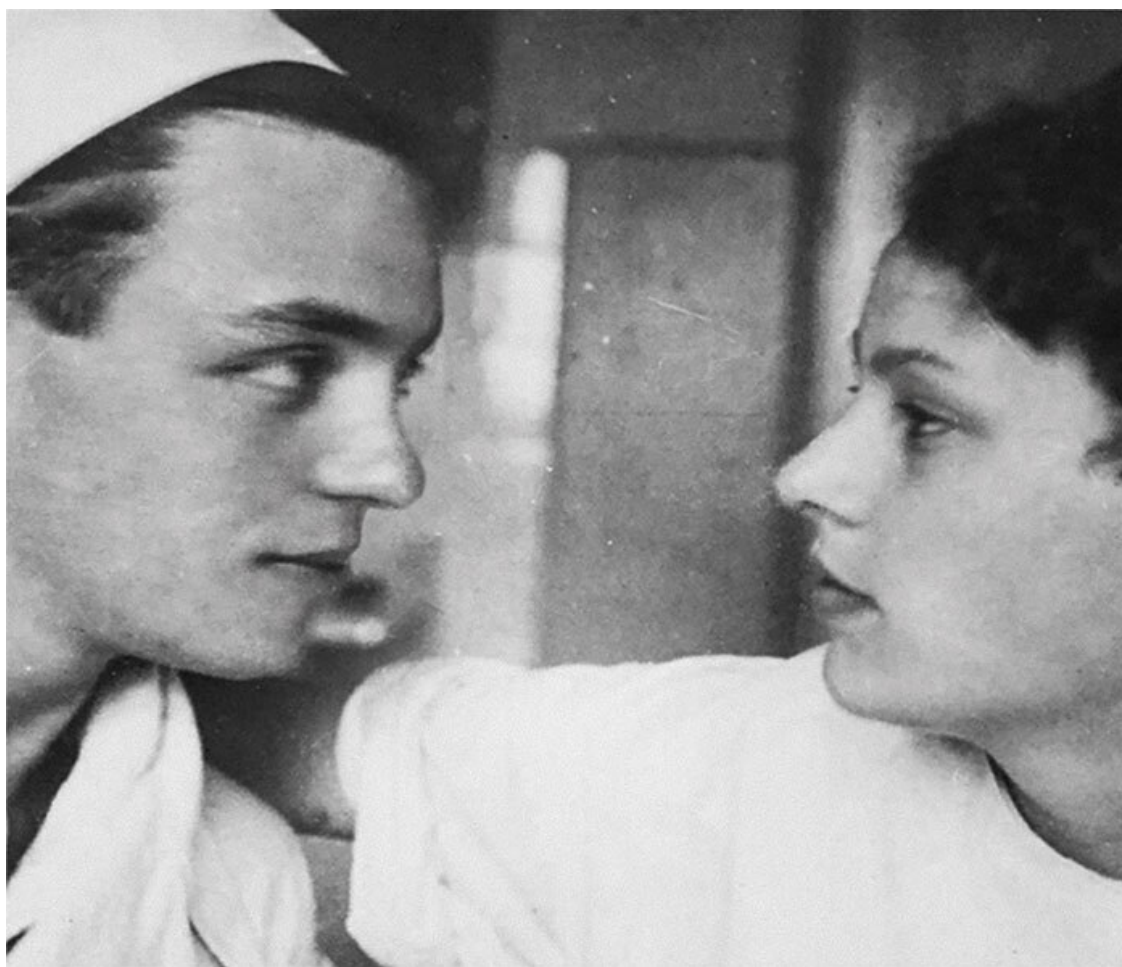
Мама уйдёт от нас 8 марта 1984-го, и никто не мог тогда знать, что папа отправится вслед за ней ровно через десять лет, тоже 8 марта. Через два дня после её смерти, мы собрали полный дом друзей, маминых и папиных, на поминки. Все говорили о том, какая она была настоящая Женщина с большой буквы, и как она умела любить, глубоко и преданно, и как отдала пред-

ложение возглавить кафедру детской хирургии папе, сделав его звездой, а сама ушла в тень (по правде говоря, золотые руки звезды советской онкологии профессора Киры Владимировны Даниэль-Бек надо было застраховать на миллионы). Истории в стиле «А помнишь?» сыпались одна за другой. Вспоминали, как она в ночь перед защитой докторской на руках дошивала шубку, которую мне приспичило надеть на школьный выезд за город. И тут мамина подруга, тётя Ира (фамилию не помню, но говорили, что Ира грешит пристрастием к сплетням), отводит меня в другую комнату и говорит:

– Я тебе, Алён, так-о-о-о-о-е сейчас расскажу, но поклянись, что никому, никогда, ни папе, ни брату, ни подругам, не расскажешь.

Я, разумеется, клянусь. И никогда – ни слова. Но до сих пор мне нестерпимо узнать всю правду.

Дело было вроде в начале семидесятых. Мама спасла от рака молочной железы пациентку, и, как тогда было принято, к ней в клинику пришёл её благодарный родственник. Он шёл по коридору отделения в сторону её кабинета, и все особи женского пола, врачи и пациентки, якобы потеряли способность дышать, слышать и передвигаться. Косая сажень в плечах, высокий крупный красавец-мужчина в светло-сером костюме и с густой шевелюрой. В руках букет роз и пакеты с подарками. Вошёл в мамин кабинет, дверь плотно закрылась, публика замерла. Спустя минут пятнадцать он вышел, чуть опустив глаза. Ничего особенного – всё в пределах постоперационной рутины. Только вот мужчина был уж очень видный.

Станислав Долецкий и Кира Даниэль-Бек, 1941 г.

Через две-три недели мама с тётей Ирой шли по Беговой улице на работу, повернули на 2-й Боткинский, и обе, как вкопанные, остановились за несколько метров до входа в Онкологический институт имени Герцена. Огромная, светлого гранита парадная лестница, ведущая в институт, вся была ярко-красного цвета, словно покрытая исполинской ковровой дорожкой. Подойдя поближе, они увидели, что это не ковёр вовсе. Лестница была усыпана красными розами. В те времена такое явление было под стать падению метеорита прямо на Кремль.

– Кира, что это? Откуда это? Знаешь?

– Не знаю, – ответила мама, – но подозреваю, – и вошла в институт, аккуратно обходя цветы.

Дальше ещё полгода тётя Ира вытягивала из мамы таинственную историю. Итак: у неё был страстный роман с тем самым, с подарками и розами, он был генералом каких-то спецвойск, буйно влюблён, предложил ей руку, сердце, до конца жизни обеспеченную жизнь в любой точке мира ей и всем нам, включая отца и имеющих родственников. И она, несмотря на совсем простую, а иногда и тяжёлую жизнь с папой, сказала «Нет».

Я до сих пор кожей чувствую, что история правдивая, и ужасно хочу знать: почему «нет»? Как бы я мечтала у неё спросить: «Что это было? Долг? Верность? Принцип? Жертва ради чего? А папа знал?» А я-то, я-то хороша. Семнадцатилетняя дурёха, купаясь в своём упоительном романе с будущим первым мужем, всё прозевала.

И уж если совсем по-честному, я надеюсь, что она отпустила себя, дала жару, окунулась в безумную любовь достойного мужчины, наслаждалась и была каждой своей клеточкой счастлива хоть мгновение. Но как же до сих пор хочется всех подробностей. Эх.

Нашла фотографию. Наверное 41-й год. Мама с папой уходят на фронт, крупный план, оба уже в белых халатах, оба в профиль лицом друг к другу, глаза в глаза. Друзья мне сделали из неё фотографию метра два на полтора. Висит дома.

Те, кто никогда не видел моих маму с папой, сначала думают, что это кадр из какого-то американского нуара. Но я точно знаю, что кино моих родителей – про красоту и любовь.

Облако

Для одних вонь, для других амброзия. У одних от аромата лилий болит голова, а для меня – чистый афродизиак. Так бывает.

Вечер. Садовое кольцо. Папа стучит в кабинете на пишущей машинке, брат мусолит анатомический атлас, я иду на кухню – там мама. На плотной длинной библиотечной карточке она пишет план дел на следующий день. Едой на кухне не пахнет. Вокруг мамы – ароматное облако из неповторимого и нигде больше мной не слышанного сочетания духов Chanel № 5 и дыма папирос «Беломорканал». Неведомые экзотические цветы, намешанные русско-французским химиком императорского двора и горьковатый лёгкий дымок табака. Она никогда не изменила «Беломору» с «Герцеговиной Флор» и Chanel № 5 с Chanel № 22. Дело не в её верности, а в том, что в этом облаке я купалась всё детство и юность. Оно защищало, отогревало, любило, принимало, учило, обнимало.

По этому запаху я знаю, что мама дома. Что она рядом. Может, занята, и тогда не приставай. Если свободна, можно поплакаться про Наташку Картонину из третьего Б, противную сплетницу, и похвалить Борю Тёмкина, который очень хороший, потому что даёт списать геометрию. И, сидя в этом облаке, можно клянчить, чтобы открыли кофры с дедушкиными шубами, и, запутавшись в них, покрутиться перед зеркалом. И потом в этом облаке рассказывать, что я влюбилась в Алёну Делона и его фото повешу над кроватью («Лёшенька, зачем тебе смотреть на слащавого цирюльника из провинции?»), и уже взрослой, на пороге замужества за Лёвой, буду откровенничать с ней, что я точно хочу пятерых детей или лучше семерых («Лёшенька, начни всё же с двух»), и потом, когда было страшно и больно после очередного выкидыша («Потерпи, детка, всё будет»). И так всегда – безусловная любовь, щедрость и мудрость в облаке из дыма «Беломора» и Chanel № 5.

Она курила непоказно, элегантно, прямо как звёзды большого кино. Не как Дитрих – театрально, а скорее как Жанна Моро или Грета Гарбо. Всегда сидя, никогда на ходу или стоя, и не дай бог разговаривать с папиросой во рту. Помню её профиль с точёным аристократичным носом, чуть вздёрнутыми ноздрями и загибающейся вверх губой и мягкие пальцы, достающие из китайской шкатулки с эмалью следующую папиросу.

Как после этого было не закурить? Никак. Паранойей про ЗОЖ (который здоровый образ жизни) никто тогда не страдал. Ну да, дурная привычка, не более. Вставали на пути борцы. Папа в первых рядах. Школьные учителя. Безрезультатно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.